

И.Н. Смирнов

**Отношения Венеции к
городским общинам
Далмации с 1358 до 1573 г.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.Н. Смирнов**
Отношения Венеции к городским общинам Далмации с 1358 до 1573 г. / И.Н.
Смирнов – М.: Книга по Требованию, 2017. – 236 с.

ISBN 978-5-458-01835-7

ISBN 978-5-458-01835-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I

Предѣлы Далмаціи въ XIV—XVI вв. Обзоръ литературы, посвященной исторіи Далмаціи.

Настоящее изслѣдованіе является продолженіемъ нашего труда, вышедшаго подъ тѣмъ же заглавіемъ въ 1881 г., но географическіе предѣлы круга его значительно расширены сравнительно съ первымъ выпускомъ. Въ понятіе о Далмаціи съ половины XIV в. входятъ уже не только рядъ материковыхъ городовъ отъ Задра до Сплита и островныхъ общинъ отъ Крка до Корчулы, но и города, находившіеся до половины XIV в. въ предѣлахъ Сербской земли и Албаніи.

Изъ доведенной венеціанскихъ синдиковъ и проведиторовъ оказывается, что границей, отдѣляющей Далмацію отъ Албаніи въ XVI в., считался Дринъ при его устьѣ, хотя нельзя сказать, чтобы эта граница была общепринятой⁽¹⁾. Одни считали Ульцинь послѣднимъ далматинскимъ городомъ, другіе первымъ албанскимъ⁽²⁾. Въ составъ Далмаціи, понимаемой въ этомъ широкомъ смыслѣ, входила узкая береговая полоса, начинающаяся у Боки Которской и кончающаяся устьемъ Дрина съ общинами Которомъ (Cattaro), Будвой, Баромъ (Antivari), Ульциномъ (Dulcigno) и потеряннымъ для Венеціи въ XV в. Скадромъ (Scutari). Нѣкоторые историки послѣднимъ городомъ Далмаціи считали даже Драць (Dugazzo). Въ этомъ смыслѣ понимали терминъ „Далма-

---

(¹) Мопш. VIII, 229, 231, 241. XI, 4, 6.—Ср. Майкова, Ист. Сербск. яз., 211.

(²) Майк. 132.

ція⁴ и сербскіе лѣтописцы, считавшіе южной границей страны Драчь^(*). Судьба этой длинной, по узкой полосы земли, составлявшей предметъ спора между обществами, которыя стремились или вырваться къ морю, какъ Урго-Хорватія, Сербія и Босна, или закрѣпить за собой исключительное господство надъ нимъ, какъ Венеція, отразилась прежде всего въ сознаніи современниковъ отдѣльныхъ моментовъ, изъ которыхъ слагалась исторія этой борьбы, — затѣмъ въ этомъ отраженномъ видѣ привлекла вниманіе людей, интересующихся прошлымъ человѣческихъ обществъ, сдѣлалась предметомъ научнаго изслѣдованія.

Научная разработка исторіи Далмаціи начинается съ XVII в. Къ этому времени относятся знаменитыя и до сихъ поръ высокоцѣнимыя хорватскими учеными работы трогиранина Ивана Лючича (Johannes Lucius) „De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex (Schwandtner, Scriptorum regum Hungaricarum, Tomus III)“ и „Memorie di Traù“. Въ первомъ выпускѣ нашего изслѣдованія относительно перваго труда Лючича было замѣчено, что онъ имѣетъ до сихъ поръ цѣнность, какъ сборникъ документовъ въ цѣльномъ видѣ или въ извлеченіи. Это замѣчаніе касается лишь матеріальной стороны труда, но произведеніе Лючича можетъ быть интересно и со стороны формальной, со стороны задачъ и приѣмовъ изслѣдованія.

Та громадная масса архивнаго матеріала, которая была внесена въ свой трудъ ученымъ далматинцемъ, объясняется его отношеніемъ къ источникамъ изслѣдованія. Онъ не передавалъ только извѣстія, заимствованныя изъ хроникъ, но подвергалъ ихъ предварительной критикѣ, сопоставляя съ данными, почерпаемыми изъ актовъ. Въ результатъ получается рядъ фактовъ, добытыхъ путемъ критическаго изслѣдованія, и читатель постоянно наблюдаетъ процессъ, которымъ историкъ ихъ добываетъ. Сопоставляя написанную такимъ образомъ книгу съ произведеніями современной критической историографіи, мы можемъ отмѣтить черту, свойственную книгамъ Лючича и дѣлающую чтеніе ихъ для насъ тяжелымъ — невыработанность историографической техники.

(*) Майн., 122.

Въ трудѣ далматинскаго историка критическая часть исследования не выдѣляется, такъ въ наше время, изъ прагматическаго изложенія фактовъ и ослабляетъ впечатлѣннѣе, получаемое отъ послѣдняго. Ту-же невыработанность приѣмовъ мы можемъ отмѣтить и въ критической части работы. Для того, чтобы сопоставить извѣстіе хроники съ отдѣльнымъ источникомъ изъ акта, критикъ приводитъ иногда цѣлый актъ т. е. соединяетъ въ одной части исследования критическій отдѣлъ и матеріалъ, на который опирается критика, — матеріалъ, въ современныхъ историческихъ исследованияхъ прилагаемой отдѣльно, какъ *additamenta*, *pièces justificatives* и т. д.

Внимательное изученіе книги Люича покажетъ читателю, что далматинскій историкъ не зналъ настоящей цѣны того огромнаго архивнаго матеріала, который находился у него подъ руками. Люичъ имѣлъ предъ собою открытыя архивы далматинскихъ общинъ, архивы церковныя; лучше всякаго другаго историка онъ могъ ознакомиться съ экономическимъ и политическимъ развитіемъ общинъ, въѣшннн отношенія которыхъ онъ такъ тщательно изслѣдуетъ. Что же извлекаетъ онъ изъ огромныхъ богатствъ, находившихся у него подъ руками, какую картину развитія забрасываетъ онъ въ своемъ трудѣ? Отвѣтъ получается послѣ разсмотрѣнія II-ой главы VI-ой книги: „De moribus Dalmatiarum receptionibus“. Говоря о „новѣйшихъ“ обычаяхъ и правахъ, авторъ разумѣетъ періодъ съ XII до XV в. Уже одно это обстоятельство даетъ намъ возможность заключить, что для Люича въ этотъ періодъ нѣтъ измѣненій, развитія; онъ разсматриваетъ жизнь общества за этотъ періодъ, какъ неизмѣняющуюся ни въ цѣломъ, ни въ деталяхъ совокупность отношеній. Глава трактуетъ сжато о вольностяхъ, которыя были предоставлены далматинцамъ угорскими королями и венеціанскимъ правительствомъ: о правѣ управляться самостоятельно избранными графами и епископами на основаніи мѣстныхъ законовъ и обычаевъ; судиться у графа при содѣйствіи избравшагося общиной судьи; о свободѣ сношеній между гражданами отдѣльныхъ общинъ. Объ экономическихъ отношеніяхъ общинъ какъ къ Угріи, такъ и къ Венеціи мы не находимъ никакихъ указаній кромѣ того, что Угражь платилъ налогъ извѣстный подъ именемъ *trigesimam*, а Венеція *стрина*. Имѣвались ли установленныя по догово-

рамъ отношенія, по какимъ направленіямъ и подъ вліяніемъ какихъ факторовъ, какъ слагалось право и экономическая жизнь, — всё эти вопросы остаются у Лючича безъ разрѣшенія, хотя онъ имѣлъ полную возможность подмѣтить въ томъ матеріалѣ, которымъ располагалъ, указанія на условія, въ которыхъ становилось развитіе внутреннихъ отношеній среди отдѣльныхъ общинъ, на измѣненія въ экономическихъ отношеніяхъ и т. д. Было-бы большой ошибкой видѣть въ указанномъ явленіи слѣдствіе личной неразвитости историка, умственной ограниченности. Въ недостаткахъ труда Лючича нужно видѣть недостатки, свойственные тому моменту развитія историографіи, къ которому онъ относится. Если въ наше время подмѣчаются въ хроникахъ и актахъ едва уловимые намеки на свойства экономического строя въ данномъ обществѣ и въ давнюю эпоху его развитія: на характеръ землевладѣнія, организацію труда, формы и условія обмѣна; если историкъ-наблюдатель находитъ въ грудѣ архивнаго матеріала мелкіе признаки того или другаго политическаго строя, социальныхъ отношеній, въ послѣдовательномъ рядѣ такихъ признаковъ находитъ указаніе на развитіе этого строя и этихъ отношеній въ опредѣленномъ направленіи, то причина кажущагося развитія зоркости и наблюдательности заключается не въ индивидуальныхъ качествахъ историковъ, а въ условіяхъ, среди которыхъ совершается современное историческое изслѣдованіе. Экономическія явленія сдѣлались предметомъ самостоятельной отрасли знанія; они укладываются въ настоящее время въ рядъ опредѣленныхъ категорій (спросъ, предложеніе, конкуренція и т. д.); за этими категоріями признается способность измѣняться, развиваться во времени (въ исторіи); между явленіями опредѣленнаго порядка подмѣчены неизмѣнныя отношенія (законы). Въ отношеніи явленій социальной организаціи съ начала XIX в. принимается за аксіому, что они способны къ измѣненію и развитію и это развитіе совершается по опредѣленнымъ законамъ, проходитъ черезъ одинаковые (для всѣхъ обществъ) фазисы. Для современнаго историка-ислѣдователя эти категоріи, фазисы, законы—тоже, что для натуралиста микроскопъ: они расширяютъ сферу зрѣнія наблюдателя, увеличиваютъ сумму явленій, входящихъ въ его сознаніе. При чтеніи одного или нѣсколькихъ актовъ, современный историкъ улавливаетъ въ нихъ признаки, свойственныя известной научной категоріи или фазису, частное проявленіе того

или другого закона; мельчайшія явленія входятъ въ сознание въ силу ихъ сходства или различія съ известными историкъ-наблюдателю явленіями и процессами. Въ XVII в. условія историческаго изслѣдованія были иные. Соціальныя явленія не были еще систематизированы, постоянство отношеній между отдѣльными видами явленій не было подмѣчено, въ послѣдовательныхъ рядахъ измѣняющихся состояній не были усмотрѣны моменты отдѣльныхъ соціальныхъ процессовъ. Въ сознаніи изслѣдователя этой эпохи, при чтеніи того или другаго акта, не пробуждалось никакихъ ассоціацій и мелкіе признаки, отдѣльныя черты явленія или процесса не возбуждали вниманія, которое останавливалось лишь на крупныхъ, часто повторяющихся чертахъ.

Въ этихъ вышнихъ условіяхъ историческаго изслѣдованія въ XVII в. лежитъ объясненіе того обстоятельства, что Лючичъ, пересмотрѣвшій громадную массу актовъ, такъ мало извлекъ изъ нихъ для внутренней исторіи страны. Отсюда же само собою вытекаетъ и то, что со стороны научной и другое произведеніе его отличается тѣми же признаками. Въ немъ мы встрѣчаемъ подробности, не нашедшія себѣ мѣста въ первомъ трудѣ: о выборахъ графовъ, епископовъ, составленія статутовъ,—но общая точка зрѣнія остается одинаковою. Въ качествѣ сборника матеріаловъ для исторіи далматинскихъ общинъ „*Memorie di Traù*“ имѣютъ еще большее значеніе, чѣмъ первое произведеніе Лючича. Акты, приведенные въ немъ въ цѣльномъ видѣ или въ отрывкахъ, даютъ возможность представить довольно полную картину политическаго и экономическаго развитія общинъ.

Въ концѣ столѣтія вышли въ Боловѣ „*Memorie storiche e geografiche della Dalmazia, raccolte da D. Casimiro Freschot Benedictino. Vol. 1687*“. Это произведеніе компилятивнаго характера и сообщаетъ краткія извѣстія относительно перехода Далмаціи изъ рукъ Венеціи въ руки Людовика угорскаго, потомъ Твртка, Ладислава неаполитанскаго и наконецъ опять подѣ власть Венеціи.

Къ тому-же XVII в. относится неизданное произведеніе, посвященное исторіи Далмаціи, шибеницкаго гражданина „*Domenici Zavorei de rebus dalmaticis libri octo (Bib. Marciana Cl. L. X, ed. X. Ms)*“. Небольшой трудъ, раздѣленный на восемь книгъ, доведенъ до 1437 г. Авторъ въ сжатомъ разсказѣ передаетъ главныя событія далматинской исторіи, отъ времени до времени подкрѣпляя свои извѣстія

одысками не архивные документы. Отрывки из этой рукописи мы печатаемъ въ приложеніи.

Произведенія Лючича и Заворей посвящены исключительно далматинской исторіи. Если въ этихъ специальныхъ трудахъ въ силу известныхъ уже намъ общихъ условий не могли найти себѣ мѣста многія стороны жизни изслѣдуемой совокупности обществъ, то въ другихъ историческихъ произведеніяхъ XVII в., въ которыхъ далматинскія событія входятъ, какъ часть жизни, мы не встрѣчаемъ не только ни малѣйшихъ намековъ на эти стороны жизни, но даже и то, что относится къ собственной политической исторіи, изложено не вполне и безъ критики. Такъ Paolo Morosini въ своей „*Historia della città e repubblica di Venezia. Venezia. 1687.*“ касается далматинскихъ событий лишь настолько, насколько они соприкасаются съ истинной исторіей Венеціи и известны изъ произведеній венеціанскихъ хроникеровъ, не затрагивая богатаго архивнаго матеріала находившагося въ Венеціи. Трудъ Морозини состоитъ въ собраніи известій, разбросанныхъ въ отдѣльныхъ хроникахъ, сличеніи ихъ, въ выборѣ одного или другаго. Этому выбору, несомнѣнно, предшествовала какая нибудь критика, но въ чемъ состоялъ критическій процессъ и на какихъ основаніяхъ онъ держался,—неизвестно; предъ читателемъ находятъ только результаты операціи историка надъ источниками.

XVIII столѣтіе даетъ большее количество трудовъ по исторіи Далмаціи, но въ качественномъ отношеніи—со стороны задачъ и приемовъ изслѣдованія—они не отличаются отъ произведеній XVII в.

Фарлати („*Iliricum Sacrum. Venetiae 1752—1819*“) собралъ, подобно Лючичу, огромный матеріалъ для внутренней исторіи далматинскихъ общинъ, но сообразно съ своей задачей подбиралъ только то, что имѣло такъ или иначе отношеніе къ церкви, сокращая иногда помѣщаемые документы. Такъ же, какъ Лючичъ, онъ не разрабатываетъ заключающихся въ актахъ данныхъ для исторіи той или другой общины, приводя цѣлый актъ въ доказательство отдѣльнаго положенія. Политическая исторія, насколько она соприкасается съ церковной, излагается на основаніи Лючича или венеціанскихъ хроникеровъ. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ у Морозини, мы видимъ, что авторомъ сдѣланъ известный выборъ, но на чемъ онъ основанъ, остается неизвестнымъ. Въ отношеніи

приемовъ изслѣдованія мы не находимъ такимъ образомъ у Фарлати ничего новаго сравнительно съ Лючичемъ и Морозини. Сокращенная исторія Далмаціи Россиньоли („*Rossignoli. Compendio della storia civile della Dalmazia. Trevigi. 1780.*“) имѣеть компилятивный характеръ и составлена на основаніи Лючича (по отношенію къ событіямъ занимающей насъ эпохи). Авторъ знакомъ впрочемъ и съ источниками, цитуетъ Рауи de Pauló, но не ставитъ своей задачею критическое изслѣдованіе ихъ.

Если для Фарлати Лючичъ былъ авторитетомъ въ вопросахъ, касающихся политической исторіи Далмаціи, то для другого писателя XVIII в. Керчелича („*Kerchelic. De regnis Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae notitiae praehminares*“) онъ является тенденціознымъ и подчасъ недобросовѣтнымъ историкомъ. Этотъ взглядъ обнаруживается въ критикѣ тѣхъ страницъ труда Лючича, которыя посвящены исторіи Далмаціи въ 1409—12 гг. Керчеличъ отвергаетъ фактъ продажи Ладиславомъ Задра и правъ на всю остальную Далмацію, считаетъ подозрительнымъ (и даже, по видимому, подлогомъ со стороны Лючича) приводимый Лючичемъ текстъ договора между Ладиславомъ и Венеціей, такъ какъ онъ помѣщается не весь, безъ указанія источника, откуда онъ заимствованъ. Такъ-же скептически, но еще съ меньшей основательностью, относится Керчеличъ въ договору Шибеничанъ съ Венеціею въ 1412 г., приводимому въ обѣихъ трудахъ Лючича. Авторъ предполагаетъ, что этотъ договоръ могъ быть заключенъ изгнанниками изъ Шибеника нобиллями. Въ основаніи недоброумнаго отношенія автора къ фактамъ, сообщаемымъ Лючичемъ, лежитъ убѣжденіе, что Далмація съ 1358 г. не переставала составлять части Угро-Хорватскаго государства. Книга Керчелича любопытна, подобно произведеніямъ Лючича, и съ формальной стороны. Керчеличъ обвиняетъ трогирскаго историка въ томъ, что онъ основывается на показаніяхъ венеціанскихъ хроникеровъ; не довѣряетъ его критическому приему сопоставленія извѣстій хроникъ съ какими-то подозрительными актами и входитъ въ изслѣдованіе достовѣрности извѣстій хроникеровъ, сопоставляя эти извѣстія съ совокупностью условій, среди которыхъ совершается то или другое явленіе (*combinatio rerum*). Къ какимъ прочнымъ научнымъ результатамъ пришелъ Керчеличъ съ своимъ приемомъ, показало дальнѣйшее развитіе изученія далматинской исторіи. Изданія

документовъ венеціанскаго архива, касающагося Далмаціи, подтвердило сообщенія Лючича, оправдало его отъ обвиненія въ подлогѣ и непониманіи документовъ и опрокинуло построенныя на „combinatio rerum“ гаданія Керчелича. Критика Керчелича показала только, что пользование актами должно происходить болѣе тщательнымъ образомъ съ указаніемъ источника, откуда они заимствуются.

Вышедшая въ концѣ XVIII в. книга Энгеля по исторіи Далмаціи (Engel. „Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatien und Slavonien. . . Halle. 1798.“), какъ видно уже изъ заглавія, трактуетъ не объ однихъ только внѣшнихъ отношеніяхъ Далмаціи. Въ кругъ изслѣдованія автора входятъ правовыя отношенія общинъ къ Угріи, средства, которыми поддерживалась связь общинъ съ господствующимъ государствомъ⁽¹⁾,— но всѣ эти явленія изслѣдуются лишь по отношенію къ одному изъ государствъ, въ зависмости отъ котораго находилась Далмація; положеніе далматинскихъ общинъ подъ венеціанскимъ владычествомъ не обрисовано даже общими чертами. Книга Энгеля давала послѣдующимъ изслѣдователямъ лишь намеки на то, что должно привлечь на себя ихъ вниманіе.

Въ XIX вѣкѣ историографія Далмаціи переходитъ съ замѣтившимися приѣмами исторической критики (у Лючича и Керчелича) и зародышами новыхъ задачъ изслѣдованія (государственно-правовыя отношенія. Engel). Этихъ задатковъ было достаточно для усвоенія тѣхъ новыхъ задачъ, которыя поставило историческому изслѣдованію наше столѣтіе.

Намъ не нужно вдаваться въ подробности относительно общезвѣстныхъ фактовъ, характеризующахъ развитіе исторической науки въ XIX ст. Достаточно сказать, что съ начала этого столѣтія замѣчается уже вполнѣ опредѣлившаяся спеціализація въ изслѣдованіи общественныхъ явленій: создаются исторія государственныхъ учреждений, наука о древностяхъ, политическая экономія; въ каждую изъ спеціализировавшихся вѣтвей науки объ обществѣ проникаетъ

(¹) Op. cit. 522.

идея органическаго развитія, совершающагося по неизмѣннымъ законамъ. Подъ вліяніемъ этихъ успѣховъ въ общественной наукѣ разширяется понятіе объ историческомъ процессѣ, включая въ себя явленія государственнаго устройства, социальнымъ отношеній, экономической жизни, разширяется сфера историческаго изслѣдованія и усиливается вниманіе къ содержанію того матеріала, который оставался безплодно нагроможденнымъ въ произведеніяхъ предшествовавшихъ вѣковъ. Европейская историческая литература первыхъ десятилѣтій XIX в. представляетъ массу изслѣдованій, посвященныхъ матеріаламъ, аналогичнымъ съ тѣми, которые собраны въ такомъ изобиліи Лючичемъ и Фарлати, знакомящимъ насъ съ распредѣленіемъ и формами поземельной собственности, сословными отношеніями, организаціей труда.

Это новое движеніе не отразилось на литературѣ, посвященной далматинской исторіи. Произведенія Крельяновича („*Memorie per la storia della Dalmazia, 1809*“) и Каталвичича („*Storia della Dalmazia. 1834—35*“) представляютъ по отношенію къ занимающей насъ эпохѣ повтореніе того, что сказано уже было Лючичемъ безъ всякихъ попытокъ разширить кругъ историческаго изслѣдованія введеніемъ новыхъ матеріаловъ или подвергнуть критику произведенія предшествовавшаго времени. Такъ же мало отразилось на этой литературѣ и критическое направленіе, внесенное въ историческое изслѣдованіе Нибуромъ и Ранке. Хорвато-далматинская литература не имѣетъ трудовъ, въ которыхъ былъ бы критически обработанъ матеріалъ для далматинской исторіи. Дѣло, начатое Лючичемъ, осталось безъ продолжателей даже въ эпоху наибольшаго возбужденія критической дѣятельности въ Европѣ. Первымъ трудомъ, на которомъ отразились новыя задачи, поставленныя историческому изслѣдованію, въ примѣненіи къ далматинской исторіи является сочиненіе Рейца, до сихъ поръ сохраняющее значеніе единственнаго пособия для всякаго желающаго ознакомиться съ внутренней исторіей далматинскихъ общинъ. Оно произвело несомнѣнно сильное вліяніе на далматинскую интеллигенцію и вызвало рядъ подражаній, рядъ попытокъ примѣнить поставленные Рейцемъ задачи по отношенію къ отдѣльнымъ общинамъ. Далматинскіе журналы и газеты 40-хъ и 50-хъ годовъ публичнаго столѣтія содержатъ не мало статей, трактующихъ объ устройствѣ отдѣльныхъ общинъ на осно-

ваши мѣстныхъ статутовъ, но статьи эти, помѣщаясь въ 2—3-хъ фельетонахъ маленькой газетки, не могутъ выдержать не полнотѣ сравненія съ трудомъ Рейца и имѣютъ очень небольшое научное значеніе. При оцѣнкѣ научнаго значенія провведенія Рейца нужно имѣть въ виду, что матеріалами для него служили исключительно статуты и дополненія къ нимъ — „реформаціи“, другими словами авторъ даетъ вамъ идеальныя нормы, въ которыя должна была уложиться жизнь отдѣльныхъ общинъ, ихъ смѣну, не касаясь условій, при которыхъ совершалось развитіе этихъ нормъ, факторовъ, опредѣлявшихъ направленіе измѣненій. Тѣже замѣчанія имѣютъ значеніе и по отношенію ко всемъ трудамъ, произведеннымъ подъ влияніемъ Рейца.

40-е и 50-е годы были временемъ наибольшаго возбужденія историографической дѣятельности и историческаго интереса среди самыхъ далматинцевъ. Въ послѣдующее время журналы, помѣщавшіе на своихъ страницахъ историческія статьи, какъ „Dalmazia“, „Osservatore Dalmata“, „Pravdonosa“, одинъ за другимъ прекращаютъ свое существованіе. Историко-литературная дѣятельность сосредоточивается въ Загребѣ, въ рукавъ мѣстныхъ профессоровъ и академиковъ, значительная часть которыхъ ведетъ свое происхожденіе изъ Далмаціи. Изъ этой эпохи мы имѣемъ два крупныхъ труда, посвященныхъ исторіи хорватскаго народа и, слѣдовательно, той его части, которая населяетъ Далмацію. Первымъ по времени изъ этихъ трудовъ является „Pregled Hrvatske poviesti (1864)“ профессора Любича, далматинца по происхожденію, приобрѣвшаго впоследствии почетную извѣстность изданіемъ матеріаловъ для исторіи отношеній между Венеціей и южными Славянами. Въ изложеніе вышней исторіи Далмаціи введены данныя, добытыя г. Любичемъ изъ архивнаго матеріала, изданнаго впоследствии, но архивныя данныя затронуты лишь настолько, на сколько онѣ касаются политической исторіи; экономическая жизнь общинъ, правовыя отношенія остаются по прежнему въ изслѣдованіи. Въ послѣднее время вышелъ капитальный трудъ профессора Смичичласа („Povjest Hrvatska. Dio prvi 1882, dio drugi 1879“), удовлетворяющій болѣе, чѣмъ всѣ другіе, современнымъ научнымъ требованіямъ. Рядомъ съ вышней исторіей народа въ книгѣ почтеннаго профессора отведено